

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470)

ВКЛАД Р.М. МУНЧАЕВА В ИЗУЧЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА ДАГЕСТАНА

(К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Р. Г. Магомедов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья приурочена к 90-летию со дня рождения выдающегося ученого, археолога, профессора Рауфа Магомедовича Мунчаева и посвящена его вкладу в изучение широкого круга проблем бронзового века Дагестана – культурно-исторического развития региона, хронологии и периодизации памятников и культур и т.д. В статье даются обзор полевых исследований ученого, затрагивающих обозначенную проблематику, краткий анализ наиболее значимых публикаций и приводятся полученные исследователем выводы.

The article is timed to the 90th birthday of the outstanding scientist, archeologist, Prof. Rauf Munchaev and devoted to his contribution to the study of a wide range of problems of the Bronze Age of Daghestan, cultural and historical development of the region, chronology and periodization of the archaeological sites and cultures, etc. The article reviews the Munchaev's field researches concerning the designated questions, gives the analysis of the most significant publications and provides conclusions made by the researcher.

Ключевые слова: Р.М. Мунчаев, Кавказ, Северо-Восточный Кавказ, Дагестан, бронзовый век, куро-араксская культура, историография, журнал «МавраевЪ».

Keywords: R.M. Munchaev, Caucasus, North-East Caucasus, Daghestan, Bronze Age, Kura-Araxes culture, historiography, the "MavraevЪ" journal.

Начав писать эту статью, я вспомнил события одиннадцатилетней давности, когда осенью 2007 г. в Махачкале проходила Международная научная конференция «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Научный форум был довольно представительным, хотя не все докладчики, заявившие свои темы, смогли приехать в столицу Дагестана. Конференция тогда еще раз показала, насколько глубоко постсоветская политическая действительность разъединила некогда единое археологическое пространство Кавказа! Но, несмотря на это, у археологов была (и остается) насущная потребность общаться друг с другом, делиться научными идеями, обмениваться литературой, собираться вместе за круглым столом! Мне было, например, очень интересно и приятно наблюдать, как ученые из Азербайджана и Армении, Грузии и Абхазии в дружеской обстановке оживленно дискуссировали и общались на научные и околонаучные темы на заседаниях и в кулуарах форума, за банкетными столами.

На конференции тогда был человек, который одним своим присутствием объединял всех. Это выдающийся российский археолог с мировым именем, лауреат Государственной премии Российской Федерации, заслуженный деятель наук Российской Федерации, Республики Дагестан и Республики Ингушетия, член-корреспондент РАН, профессор Рауф Магомедович Мунчаев – интернационалист до мозга костей.

Рауф Магомедович, дагестанец, лакец по национальности, родился 23 сентября 1928 г. в Азербайджане, в городе Закаталы, отлично знает азербайджанский язык, и у него много друзей в Баку и других городах этой страны. В Махачкале он учился в вузе и здесь начал свою трудовую деятельность. В Закаталах семья Мунчаевых жила

в соседстве с армянами – отсюда у него хорошее знание армянского языка, их культуры, любовь к армянской кухне. Множество нитей судьбы связывает Рауфа Магомедовича с Грузией – в Тбилиси в 1971 г. он блестяще защитил докторскую диссертацию, у него здесь много друзей и единомышленников. А еще Рауфа Магомедовича считают своим чеченцы и ингуши (на земле некогда единой Чечено-Ингушетии он вел раскопки великолепных археологических памятников), осетины и кабардинцы, карачаевцы и абхазы... А со столицей нашей Родины Москвой Рауф Магомедович связан уже почти 65 лет – здесь протекает его научная и семейная жизнь. В лице Рауфа Магомедовича Мунчаева мы имеем феномен человека, ученого, чей талант, чья судьба высветили ярким добрым светом историю и культуру практически многих народов Кавказа.

Я сам, строго говоря, по академическим традициям, не являюсь учеником Рауфа Магомедовича, но, проработав с ним 11 полевых экспедиционных сезонов, могу сказать, что также испытал на себе безусловное и благотворное влияние его творческой и человеческой ауры. Наш «мудир», как мы называли его в сирийской экспедиции, не любит высокопарных слов, и я надеюсь, что он отнесется снисходительно к юбилейному пафосу моего текста.

Когда размышляешь о результатах научной деятельности Р.М. Мунчаева, поражаешься масштабам того, что сделано им. Еще одно воспоминание: в 1998 г. мы, относительно молодые тогда археологи, работая в Сирии на раскопках храма раннединастического времени Телль-Хазна I, в канун 70-летия Рауфа Магомедовича выпустили стенгазету. Своеобразным ее «гвоздем» была нарисованная карта Евразии, на которой были отмечены наиболее важные пункты, где довелось работать в экспедициях Рауфу Магомедовичу: Дагестан, Чечено-Ингушетия, Ставрополье, Поволжье, Афганистан, Ирак, Сирия... Широкая география и захватывающие раскопки на памятниках, вошедшие в золотой фонд российской и мировой археологии!

В предлагаемой статье мне хочется ограничиться рамками Дагестана и показать вклад Р.М. Мунчаева в изучение археологии и древней истории нашей республики, тем более что касательно Северного Кавказа и Ближнего Востока это хорошо сделано в многочисленных статьях его учеников и коллег [1, с. 21–27; 2, с. 93–97; 3, с. 75–80; 4, с. 181–182; 5, с. 7–26; 6, с. 55–62; 7, с. 3–28; и др.].

Отсчет становления молодого ученого следует вести от стен его *alma mater* – Дагестанского педагогического института им. С. Стальского, куда выпускник русской средней школы г. Закаталы поступил в 1945 г. на исторический факультет. Рауф Магомедович всегда с искренней благодарностью и большой теплотой вспоминает своих институтских преподавателей и педагогов – Расула Магомедовича Магомедова, Саида Магомедовича Омарова, Веру Павловну Дзагурову и многих других.

Из интервью Р.М. Мунчаева журналу «МавраевЪ» [8]:

«Там, на историческом факультете, я встретил Расула Магомедовича Магомедова, который стал моим Учителем. Он был историком от Бога. Я очень счастлив и горд, что дружил с этим человеком. Именно он посоветовал мне пойти в археологию... Саид Магомедович Омаров, народный учитель Дагестана ... вел курсы по педагогике и истории педагогики. ... несравненная Вера Павловна Дзагурова. Еще хорошо помню, как интересно читала лекции по зарубежной литературе Нина Викторовна Анисимова, ко-

торая, подобно ее подруге В.П. Дзагуровой, проработала в институте много лет. Особо хочется отметить и преподавателя новой истории Шамиля Буттаевича Арчилаева, виртуозно читавшего свои лекции».

После окончания пединститута в 1949 г. Р.М. Мунчаев какое-то время был там же лаборантом, потом несколько месяцев проработал помощником Председателя Совмина ДАССР и одновременно зав. кабинетом марксизма-ленинизма в родном институте. В декабре 1949 г. Рауф Магомедович поступил в аспирантуру Дагестанского филиала АН СССР. Для прохождения аспирантуры и написания кандидатской диссертации его командировали в Институт истории материальной культуры АН СССР (ныне – Институт археологии РАН). Его научным руководителем стал известный советский археолог Евгений Игнатьевич Крупнов – учитель и наставник многих северокавказских археологов.

Из интервью Р.М. Мунчаева журналу «МавраевЪ» [8]:

«Это был выдающийся ученый, профессор, доктор наук, лауреат Ленинской премии. Я поступал к нему в аспирантуру. Тогда он был кандидатом наук, а кандидату наук не положено было иметь аспирантов. Меня формально прикрепили к доктору наук, но фактически мной руководил кандидат наук Е.И. Крупнов. У меня не было археологического образования, и чтобы я прошел курс археологии на историческом факультете МГУ, мне вместо трех положенных лет обучения установили четыре года».

Молодой аспирант для сбора полевого материала по теме диссертационной работы активно участвовал в исследованиях Северо-Кавказской экспедиции ИИМК АН СССР, которая под руководством Е.И. Крупнова и К.Ф. Смирнова значительно расширила круг известных памятников эпохи бронзы, расположенных на территории Приморского Дагестана.

Так, в 1950 г. в составе Дагестанской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Дагестанского краеведческого музея (нач. экспедиции – К.Ф. Смирнов) начинающий археолог принимает участие в раскопках памятников эпохи бронзы и раннего железа в районе с. Карабудахкент, а также Агачкалинского раннесредневекового могильника в Буйнакском районе. В следующие два года аспирант Рауф Мунчаев работал вдали от Дагестана – в составе Куйбышевской экспедиции (нач. экспедиции – К.Ф. Смирнов) в зоне строительства Куйбышевской ГЭС (на Средней Волге) и Северо-Кавказской экспедиции (нач. экспедиции – Е.И. Крупнов) в Ингушетии и в Ставропольском крае.

После окончания аспирантуры и успешной защиты в ИИМК АН СССР в ноябре 1953г. кандидатской диссертации на тему «Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана (III–II тысячелетия до н.э.)» Р.М. Мунчаев стал работать младшим научным сотрудником в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. За неполные два года, проведенных в стенах этого института, молодому ученому, первому профессиональному археологу из дагестанцев, удалось сделать многое. Достаточно сказать, что во время его первой самостоятельной археологической экспедиции в 1954 г. полевые исследования были проведены на территории ряда горных районов Дагестана (Кулинский, Акушинский, Гунибский), а также в Прикаспийской равнине в Дербентском районе. Здесь, в первую очередь, следует отметить открытие

Р.М. Мунчаевым известно теперь во всем научном мире Чохского поселения (тогда памятник был определен как стоянка эпохи неолита). На этом памятнике, ставшем базисным для изучения процессов становления производящего хозяйства не только в Горном Дагестане, но и на Кавказе в целом, впоследствии вели раскопки В.Г. Котович (1955–1957 гг.) и Х.А. Амирханов (1980–1982 гг.). Неподалеку от этого памятника каменного века, по другую сторону небольшой речки на земледельческих террасах был выявлен и частично исследован склеповый могильник, отнесенный автором раскопок к каякентско-хорочоевской культуре (в настоящее время чохские круглоплановые склепы относят к гинчинской культуре эпохи средней бронзы – см.: [9, с. 14, 54–70; рис. 50–51]).

Выдающиеся археологи, члены-корреспонденты РАН –
первооткрыватель Чохского поселения Р.М. Мунчаев (справа)
и исследователь Чохского поселения Х.А. Амирханов

В том же 1954 г. Р.М. Мунчаев осуществил первые разведочные раскопки на центральном великентском холме [10, с. 51–52; 11, с. 15, 22], характер культурных наслоений которого еще оставался невыясненным. Стратиграфия шурфа показала, что обмазанная керамика, орнаментированная налепными расщепленными валиками «возникает или появляется здесь не одновременно с остальной керамикой (с лощеной гладкой поверхностью. – Р.М.), а значительно позднее» [11, с. 97]. Это принципиальное наблюдение Р.М. Мунчаева, важное для периодизации памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи ранней бронзы, получило свое подтверждение в дальнейших исследованиях прикаспийских поселений III тыс. до н.э. (см.: [13, с. 129–140]).

В 1955 г. Р.М. Мунчаев переехал в Москву, где был принят на работу младшим научным сотрудником отдела бронзового века Института истории материальной культуры (с 1959 г. – Институт археологии АН СССР).

Из интервью Р.М. Мунчаева журналу «МавраевЪ» [8]:

«Окончив учебу [в аспирантуре. – Р.М.] и защитив диссертацию, я вернулся в Махачкалу. Но не успел проработать и полтора года – меня освободили с работы, причем сделали это очень легко и быстро. Я снова уехал в Москву... В Институте археологии были очень удивлены, узнав, что в Махачкале меня, специалиста, которого они столько готовили, освободили от работы без каких-либо серьезных причин! Без лишних вопросов я был принят в Институт археологии. С тех пор я предан ему и прошел здесь большой путь от аспиранта до директора... Я счастлив, что так произошло...».

Период становления Рауфа Магомедовича как вдумчивого и серьезного ученого-кавказоведа начался буквально с аспирантских лет под благотворным влиянием научного руководителя Е.И. Крупнова и в тесном сотрудничестве со старшим коллегой К.Ф. Смирновым. Новые памятники, открытые в начале 1950-гг., – Карабудахкентский (2-й) грунтовый и Манасский курганный могильники, Карабудахкентское поселение – дали значительный и высокоинформативный материал, получивший всестороннюю историко-культурную характеристику в кандидатской диссертации Р.М. Мунчаева и в обстоятельных совместных статьях Р.М. Мунчаева и К.Ф. Смирнова [14; 15].

Общие культуроопределяющие особенности Карабудахкентского 2-го могильника и синхронных ему памятников Дагестана (Джемикентское и Сигитминское поселения, могильник Гоно и др.) позволили Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову считать их «представляющими дагестанскую Карабудахкентскую археологическую культуру первой половины II тыс. до н.э., предшествовавшую и тесно связанную с северокавказской культурой середины и второй половины II тыс. до н.э.» [14, с. 170]. Однако в таком формате эта археологическая культура больше ни разу не была упомянута, но во многих хронологических периодизациях памятников эпохи бронзы Дагестана долгое время фигурировал так называемый «карабудахкентско-гонобский этап».

Принципиальное значение имеет выделение впервые Р.М. Мунчаевым и К.Ф. Смирновым этапа эпохи средней бронзы Дагестана на примере Манасских подкурганых катакомб [15, с. 203]. Последние также позволили авторам с учетом реконструкции А.П. Кругловым катакомбных захоронений у Дербента и Дешлагага (Сергокала) на материалах дореволюционных раскопок А.А. Русова впервые предметно поставить вопрос о проблеме появления катакомбного (подкурганного) обряда на Северо-Восточном Кавказе [15; 16].

Большое значение для культурно-исторической интерпретации Каякентского поселения и подобных ему бытовых памятников Приморского Дагестана имела статья Р.М. Мунчаева «Каякентское поселение и проблема Кавказского энеолита» [17]. Как известно, первые разведочные раскопки на Каякентском поселении были произведены еще в 1939 г. молодым ленинградским археологом А.П. Кругловым, возглавлявшим Северо-Кавказскую экспедицию ИИМК. Не имея возможности дать всестороннюю характеристику памятника на широком сравнительном фоне, автор раскопок сильно «омолодил» его и отнес в целом к первой половине II тыс. до н.э. [18, с. 12]. Р.М. Мунчаев обосновал возможность «... считать Каякентское поселение как бы «северо-восточным форпостом» южнокавказской энеолитической культуры, но отнюдь не самым крайним северным пунктом распространения куро-аракского энеолита»

[17, с. 18] и передатировал «... поселение второй половиной III тысячелетия до н.э., точнее – последними веками III тысячелетия до н.э.» [17, с. 16].

Первая монография Р.М. Мунчаева – «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа» вышла в 1961 г. [11]. В основе своей книга содержит кандидатскую диссертацию, защищенную автором в 1953 г. [19]. Разумеется, за годы, прошедшие после защиты до выхода работы из печати, она была основательно переработана и дополнена с учетом и тех статей, которые автор опубликовал в эти годы. Впервые после известной обобщающей работы А.П. Круглова (она вышла из печати в 1958 г., но была написана еще в предвоенные годы и была известна специалистам) монография Р.М. Мунчаева подвела своего рода итог изучению памятников «энеолитического типа», составляющих локальный вариант более широкой культурной общности «куро-араксского энеолита» [11, с. 18; см. также: 12, с. 57–67]. В книге памятники III тыс. до н.э. Дагестана и Чечено-Ингушетии рассмотрены автором на очень широком сравнительно-историческом фоне Кавказа и Ближнего Востока. Как отмечалось в предисловии научного редактора Е.И. Крупнова, вывод Р.М. Мунчаева об общекавказской культурной общности энеолитических памятников и о возможности разделения их на локальные варианты имеет большое научное значение [11, с. 6]. Хронологические рамки памятников куро-араксского энеолита, в т.ч. и северовостокавказского варианта, автор книги отнес целиком в пределы III тыс. до н.э., а вопрос о генезисе самой культуры оставил открытым, хотя и определенно отрицал местное происхождение куро-араксского энеолита, в чем его упрекнул ответственный редактор книги Е.И. Крупнов (см.: [11, с. 6]). Следует отметить еще и такой вывод автора, который приводится в самом конце работы, – о возможности трактовки куро-араксской общности как основы субстрата существования особой кавказско-иберийской языковой общности [11, с. 164–165]. В последующем эта идея была подхвачена и развита Е.И. Крупновым [20, с. 26–43]. Хотя это и некоторые другие положения книги были в последующем уточнены, а местами и пересмотрены дальнейшим развитием кавказоведения, монография Р.М. Мунчаева имела для своего времени очень большой успех и вызвала серию положительных рецензий в печати.

Следует отметить, что вскоре после выхода монографии Р.М. Мунчаева произошло уточнение «эпохального статуса» куро-араксской культуры, она получила адекватную сравнительную базу ближневосточной археологии, что ликвидировало существовавшие до этого явные перекосы в хронологических схемах исследователей. Опираясь на результаты работ спектрального анализа, проведенных И.Р. Селимхановым и доказавших медно-мышьяковистый характер металлических изделий куро-араксских памятников, А.А. Иессен в 1963 г. в статье «Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры» поставил вопрос о пересмотре уровня культурно-хозяйственного развития населения Закавказья в III тыс. до н.э. [21, с. 3–14]. В том же 1963 г. вышла еще одна работа, перекликавшаяся с выводами А.А. Иессена, – статья К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили «Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н.э.» [22, с. 10–24]. После выхода именно всех этих работ стало окончательно ясно, что куро-араксская культура (так она стала называться) относится к эпохе ранней бронзы, а не к энеолиту.

Случилось так, что именно Рауфу Магомедовичу выпала честь впервые обобщить материалы эпох неолита, энеолита и ранней бронзы всего Кавказского перешейка.

Речь идет о монографии «Кавказ на заре бронзового века», вышедшей в 1975 г. [23] и вот уже свыше 40 лет остающейся настольной книгой каждого, кто занимается археологией Кавказа неолита – эпохи бронзы включительно. Книга Р.М. Мунчаева является переработанным и дополненным текстом его докторской диссертации «Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V–III тыс. до н.э.)», успешно защищенной в Тбилиси в 1971 г. [24].

Из интервью Р.М. Мунчаева журналу «МавраевЪ» [8]:

«Если вы обратите внимание, то увидите на ее (книги «Кавказ на заре бронзового века» – Р.М.) обложке артефакт скифской культуры – более поздней, чем бронзовый век. Дело в том, что в 70-е годы – годы издания книги, издательства требовали от нас какие-то яркие названия, чтобы привлечь читателей. Моя же диссертация (еще до публикации в виде книги) называлась иначе: «Кавказ в эпоху неолита, энеолита и ранней бронзы». Книга получилась хорошей и стала действительно настольной для археологов. Как-то в США, в Филадельфийском музее я случайно познакомился с одним молодым человеком. Когда я представился ему, он посмотрел на меня, вытаращив глаза, достал свой портфель и вытащил оттуда огромную истрепанную стопку ксерокопии моей книги, сказав, что у кого только эта книга не побывала».

В этой книге автор уделил значительное внимание [23, с. 110–114] поселению Гинчи в высокогорном Дагестане, подчеркнув двухслойный его характер с датировкой временем энеолита и ранней бронзы. Отдельной главой дано обобщение материалов по куро-араксской культуре [23, с. 149–196]. Существенное место в этом разделе уделено памятникам восточнокавказского или дагестанского варианта куро-араксской культуры. Автор учел новые материалы этой культуры из раскопок М.Г. Гаджиева (Галгалатли, Чиркей и др.), которые стали известны уже после выхода предыдущей его монографии «Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа» [11]. По вопросу о появлении куро-араксских памятников на Северо-Восточном Кавказе автор высказывается так: «Она (куро-араксская культура. – Р.М.) распространилась сюда с юга и юго-запада, с пограничных районов Азербайджана и Грузии» [23, с. 191]. Более того, автор предлагает один из возможных путей распространения этой культуры: «Из Нухи в с. Ахты и дальше в Магарамкентский район, где зафиксирована группа оседлых поселений эпохи ранней бронзы. Отсюда, из равнинных и предгорных районов, эта культура начала распространяться в горную и высокогорную часть Дагестана» [23, с. 191]. Позиция Р.М. Мунчаева по хронологии культуры осталась прежней, такой же, как и в предыдущих работах автора, – она датировалась им в пределах III тыс. до н.э.

Несмотря на то, что с начала 1970-х гг. в научной деятельности Р.М. Мунчаева основное место заняли полевые исследования в Месопотамии, дагестанская тематика (в рамках общекавказской проблематики) продолжала оставаться в поле его исследовательского интереса. Наряду с книгой «Кавказ на заре бронзового века», охарактеризованной выше, здесь следует отметить большие разделы «Энеолит Кавказа» [25] и «Куро-араксская культура» [26], написанные им и опубликованные в соответствующих томах серии «Археология СССР».

В обобщающей работе «Энеолит Кавказа» в специальном разделе, написанном Р.М. Мунчаевым и посвященном Гинчинскому поселению [25, с. 124–126], не нашла

особого отражения известная эволюция взглядов М.Г. Гаджиева (нач. 1980-х гг.) на этнокультурную и хронологическую оценку этого памятника. Здесь по-прежнему отмечалось, что для поселения Гинчи «особенностью ... является ... каменная архитектура, представленная в основном домами прямоугольной формы, а не круглыми, как в Закавказье»; правда, упоминаются также «остатки и других жилищ, в том числе округлых в плане» [25, с. 125]. Не так категоричен Р.М. Мунчаев и в вопросе открытия на поселении Гинчи оборонительной стены, заметив, что «общая длина этой стены и время ее сооружения не установлены» [25, с. 125]. Автор придерживается старой версии М.Г. Гаджиева об импортном происхождении большей части расписной керамики и нерасписной керамики высокого качества гинчинской посуды [25, с. 126]. По аналогиям данным керамическим группам Р.М. Мунчаев датировал нижний слой поселения Гинчи концом V – первой половиной IV тыс. до н.э. [25, с. 126]. Интересно, что в совместной с В.И. Марковиным книге «Северный Кавказ: очерки древней и средневековой истории и культуры» Р.М. Мунчаев несколько приблизился к изменившейся точке зрения М.Г. Гаджиева по вопросу о характере и датировке энеолитического поселения Гинчи: здесь не ставится под сомнение, что гинчинская «оборонительная стена является древнейшим фортификационным сооружением на Северном Кавказе и одним из самых ранних на Кавказе», говорится о жилищах круглой формы, но все же подчеркивается, что «большинство домов имело прямоугольную конструкцию» [27, с. 35]. Р.М. Мунчаев по-прежнему считал, что среди гинчинской посуды есть образцы обмазанной керамики, что расписная керамика и нерасписная высококачественная керамика в большей массе являются импортными, а сам памятник датируется в пределах V – первой пол. IV тыс. до н.э. [27, с. 37]. Таким образом, обобщение взглядов Р.М. Мунчаева на природу энеолитической культуры, представленной поселением Гинчи, показывает, что он в целом не поддерживает концепцию М.Г. Гаджиева о глубоких генетических корнях куро-араксской культуры на Северо-Восточном Кавказе, считая последнюю привнесенной сюда из Закавказья [27, с. 48–51].

Следует сказать, что научное творчество Р.М. Мунчаева, отраженное в десятках книг и нескольких сотнях статей и заметок, очень многогранно, взаимосвязано и, естественно, выходит далеко за рамки кавказско-дагестанской научной проблематики.

Из интервью Р.М. Мунчаева журналу «МавраевЪ» [8]:

«... основной моей деятельностью являются раскопки на территории Чечено-Ингушетии, где я проработал 15 лет, в Ираке, где также провел 15 сезонов, и 22 года в Сирии. Все, что вне этих трех областей, – я не считаю значимой работой».

В завершение этой юбилейной статьи затрону еще один момент, который демонстрирует, что в научной биографии выдающихся ученых, к числу которых Рауф Магомедович, без сомнений, относится, не бывает ничего случайного, бессистемного.

В 1994 г. начала свою деятельность Дагестано-Американская археологическая экспедиция (под руководством профессоров Ф.Л. Кола и М.Г. Гаджиева), приступившая к работам на Великентском комплексе памятников бронзового века. Летом того года сотрудники экспедиции, начавшие масштабные раскопки на раннем Великентском поселении II (Карасу-тепе), были немало удивлены, когда из многометро-

вых культурных напластований памятника наряду с традиционной куро-араксской посудой изо дня в день извлекались также многочисленные фрагменты необычной, великолепно обожженной, высококачественной керамики с красновато-охристой, как правило, ангобированной поверхностью. Часто попадались черепки посуды, украшенной оттисками зубчатого и гребенчатого штампа, что совсем было не характерно для местной керамики эпохи ранней бронзы. Все это напоминало известную майкопскую керамику, но особенности форм новых сосудов и их узоры настораживали и будили мысль в поисках других аналогий.

Сейчас я вспоминаю, как приехав на воскресенье в Махачкалу, начал лихорадочно листать в своей домашней библиотеке специальную литературу и вдруг обнаружил точные параллели великентской высококачественной керамики в упоминавшейся выше книге Р.М. Мунчаева «Кавказ на заре бронзового века» [23]. Оказалось, что впервые на Северо-Восточном Кавказе подобная керамика в незначительном количестве была обнаружена еще в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века в нижних раннебронзовых слоях Серженьюртовских поселений I–II [23, с. 359, рис. 76, 9–11]. Спорадически фрагменты подобной высококачественной керамики находили и при раскопках нижних горизонтов поселения Геме-тюбе I (работы М.Г. Гаджиева, 1979 г.), но они тогда не привлекли особого внимания. Однако цельное восприятие и осмысление подобной группы керамической посуды стало впервые возможно лишь с началом раскопок на поселении Великент II и сопоставления ее с близкими аналогиями из слоев поселений Серженьюрт I и II в Чечне.

По мере осмысления генезиса высококачественной керамики типа Великент II, а также увеличения публикаций азербайджанских археологов по памятникам лейлатепинской культуры, возникло всеобщее понимание того, что ближневосточные корни майкопской культуры не были случайны, что они возникли в той же историко-географической контактной зоне, пропитанной многовекторными этнокультурными взаимосвязями между южными цивилизациями (например, Уруком), с одной стороны, и Кавказом, с другой.

Из интервью Р.М. Мунчаева журналу «МавраевЪ» [8]:

«Безусловно, проблема связи Кавказа с Ближним Востоком и, в частности, с Месопотамией – одна из важнейших проблем в современной археологии. Долгое время мы не знали, как к ней подойти, так как не было большой доказательной базы. Но с каждым днем наши догадки все чаще подтверждались фактами. Все время что там, что здесь, обнаруживалось что-то близкое между собой. За последние же 10 лет произошел прорыв – обнаружили не только находки, устанавливающие эту связь, но и целые памятники, оставленные населением, которое пришло оттуда на Кавказ. Памятники Месопотамии также содержат материалы, которые мы находим у нас».

Рауф Магомедович одним из первых увидел перспективы изучения межкультурных взаимоотношений Кавказа и Ближнего Востока в эпоху палеометалла. Об этом много говорилось и в его ранних публикациях, особенно в монографиях 1961 г. и 1975 г. В последнее десятилетие с небольшим он опубликовал целый ряд статей (некоторые в соавторстве), посвященных проблеме кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н.э. [28, с. 51–59; 29, с. 8–9; 30, с. 41–52; 31, с. 316–334]; в них заметное место зани-

мают также материалы раскопок дагестанских памятников, относящихся к великентской культуре куро-араксской культурно-исторической общности.

Рауфу Магомедовичу Мунчаеву исполняется 90 лет. За плечами юбиляра – десятки полевых сезонов, первоклассные исследованные памятники, сотни научных трудов, среди которых яркими маяками выступают его монографии. Научный труд профессора отмечен государственными наградами и высокими званиями. Но самая высокая награда для ученого – это признание его заслуг научным сообществом, отечественными и зарубежными коллегами, это его непререкаемый авторитет в мировом археологическом сообществе! Имя Рауфа Магомедовича Мунчаева невозможно отделить от многотрудной истории изучения археологии и древнейшей истории Кавказа и Ближнего Востока. Дагестан в научной биографии нашего знаменитого земляка занимает заметное и достойное место. Требуются время и усилия для дальнейшего изучения и осмысления вклада Р.М. Мунчаева в разработку проблем бронзового века Северо-Восточного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корневский С.Н.* Рауф Магомедович Мунчаев – страницы научной биографии. Вклад в археологию энеолита и раннего бронзового века Кавказа // Отечественная археология XX века: (Исследователи, история исследований). Воронеж, 2004. С. 21–27.
2. *Корневский С.Н.* Изучение майкопской культуры в трудах Р.М. Мунчаева // Рос. археология. 2008. № 3. С. 93–97.
3. *Амиров Ш.Н.* Работы российской археологической экспедиции в Сирии под руководством Р.М. Мунчаева // Рос. археология. 2008. № 3. С. 75–80.
4. *Багаев М.Х.* К 80-летию исследователя: Вклад Р.М. Мунчаева в изучение древней истории и культуры Чечни // Рос. археология. 2008. № 3. С. 181–182.
5. *Мерперт Н.Я.* К восьмидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева // Археология Кавказа и Ближнего Востока : сб. к 80-летию чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева. М.: Таус, 2008. С. 7–26.
6. *Мерперт Н.Я.* К юбилею соратника и друга: Рауфу Магомедовичу Мунчаеву – 80 лет // Рос. археология. 2008. № 3. С. 55–62.
7. *Османов А.И., Давудов О.М., Гаджиев М.С., Магомедов Р.Г.* Мунчаев Рауф Магомедович (К 80-летию со дня рождения) // Северный Кавказ в древности и средние века. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. С. 3–28.
8. *Мунчаев Р.М.* Рауф Мунчаев: Большой путь от аспиранта до директора Института / Интервью чл.-корр. РАН, проф. Р.М. Мунчаева редакции журнала «МавраевЪ» // МавраевЪ. 2014. № 4(5). С. 17–25.
9. *Магомедов Р.Г.* Гинчинская культура: Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998. 378 с.
10. *Мунчаев Р.М.* Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры о докладах и исследованиях (далее – КСИИМК). Вып. 71. 1958. С. 41–52.
11. *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа / Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА). Вып. № 100. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 167 с.
12. *Мунчаев Р.М.* Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961. С. 57–67.
13. *Гаджиев М.Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа (эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991. 264 с.

-
-
14. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа / МИА. Вып. № 68. М.; Л.: Наука, 1958. С. 147–175.
15. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у станции Манас) // Сов. археология. 1956. Вып. XXVI. С. 167–203.
16. *Мунчаев Р.М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. Памяти С.В. Киселева. К 60-летию со дня рождения / МИА. Вып. 130. М.: Наука, 1965. С. 92–96.
17. *Мунчаев Р.М.* Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита // Сов. археология. 1955. Вып. XXII. С. 6–20.
18. *Круглов А.П.* Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа / МИА. Вып. 68. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 196 с.
19. *Мунчаев Р.М.* Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана III–II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. 16 с.
20. *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Сов. археология. 1963. № 1. С. 26–43.
21. *Иессен А.А.* Кавказ и древний Восток в IV и III тысячелетиях до нашей эры // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). Вып. 94. 1963. С. 3–14.
22. *Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Историческое значение южного Кавказа в III тысячелетии до н.э. // Сов. археология. 1963. № 3. С. 10–24.
23. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза / АН СССР. Ин-т археологии. М.: Наука, 1975. 415 с.
24. *Мунчаев Р.М.* Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V–III тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1971. 61 с.
25. *Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 93–164, 333–339.
26. *Мунчаев Р.М.* Куро-араксская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 8–57, 147–156.
27. *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ: Очерки древней и средневековой истории и культуры. М.; Тула: Гриф и Ко, 2003. 356 с.
28. *Мунчаев Р.М.* Дагестан, Кавказ, Месопотамия: Из итогов научной деятельности. Выступление на академических чтениях, посвященных 60-летию ДНЦ РАН // Вестн. Ин-та ИАЭ. 2005. № 4. С. 51–59.
29. *Мунчаев Р.М.* Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Археология, этнология и фольклористика Кавказа : материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 8–9.
30. *Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н.* Взаимосвязи Кавказа и Месопотамии в VI–IV тыс. до н.э. // Кавказ: Археология и этнология : материалы Междунар. науч. конф. 11–12 сентября 2008 г. Азербайджан, Шамкир. Баку: Чашыоглы, 2009. С. 41–52.
31. *Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г.* Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV–III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии : сб. ст. к 60-летию чл.-корр. РАН, проф. Х.А. Амирханова. Махачкала: МавраевЪ, 2010. С. 316–334.

Поступила в редакцию 15.06.2018 г.
Принята к печати 26.09.2018 г.